

Павел Палажченко

ДИПЛОМАТИЯ САММИТОВ: ЖЕНЕВА И РЕЙКЬЯВИК ГЛАЗАМИ ПЕРЕВОДЧИКА

Время движется только в одном направлении, и через тридцать лет после женевской встречи руководителей СССР и США, годовщина которой прошла почти незамеченной у нас в стране, осталось не так много людей, которые в той или иной роли принимали в ней участие.

Моя роль тогда была скромной — я был одним из переводчиков советской делегации. Участие в этом историческом событии было для меня до некоторой степени случайным, но моя предшествующая карьера — работа в ООН в 1974–1979 гг. и на переговорах по сокращению и ограничению вооружений в первой половине 80-х гг. — дала мне довольно полное представление о проблемах, которые завели в тупик наши отношения с Западом, прежде всего проблемах безопасности.

Я бы сказал, что эти переговоры лишь по инерции называли *переговорами по разоружению*. Работа на них была интересной и в профессиональном отношении очень полезной для меня. Там я по-настоящему сформировался как профессионал. Но как человек и гражданин своей страны я не мог не испытывать чувство тревоги. Переговоры годами находились в глухом тупике, никакого сокращения вооружений и вооруженных сил не происходило, отношения с Западом, особенно с США, обострялись, а жизнь подавляющего большинства людей в СССР становилась все более трудной.

Тяжелое впечатление оставляли и сами переговоры. Главами делегаций на переговорах по ракетам средней дальности были выдающиеся профессионалы — Юлий Александрович Квицинский и Поль Нитце, понимавшие, что лучше договоренность, чем конфронтация. Но позиции сторон не оставляли им пространства для маневра. Приходится признать, что отправным пунктом движения в тупик стало развертывание наших твердотопливных ракет средней дальности *Пионер (SS-20)*. Они действительно резко меняли баланс сил в этой категории вооружений и по-настоящему беспокоили европейцев. В интервью Брежнева, данном незадолго до начала переговоров, была сделана попытка доказать, что равновесие сохраняется. Но подготовленный в генштабе *баланс*, куда включались вооружения Англии и Франции, старые самолеты и тому подобные *средства* средней дальности даже наши переговорщики характеризовали как надуманный. Однажды об этом в моем присутствии откровенно высказался Л. Мастерков, который в делегации выполнял роль хранителя *институциональной памяти* — историю переговоров по ядерному оружию, количественные параметры договоренностей и многочисленные детали он знал буквально наизусть. Конечно, это понимал и Квицинский. Когда однажды Нитце

А
К
Е
Т
О
И
Б
И
Б
И
А

сказал ему «вы хотите иметь столько же оружия, сколько все ваши потенциальные противники вместе взятые», он — при всем его остроумии и дипломатической хватке — не нашелся, что ответить.

На первом заседании делегаций Квицинский хлестко и эффектно охарактеризовал предложенный Рейганом *нулевой вариант* решения проблемы — ликвидацию советских ракет в обмен на отказ от развертывания американских баллистических и крылатых ракет в Европе — как «дырку от бублика». К счастью, это фразеологизм не поставил меня в тупик и в переводе вызвал ожидаемый автором смех. Переговорный расчет советской стороны был на антивоенное движение в европейских странах и на противоречия в самой американской позиции.

Действительно, многотысячные антивоенные демонстрации беспокоили США, а стремление развернуть хотя бы крылатые ракеты у американских военных и политиков иногда, казалось, перевешивало их приверженность позиции собственного президента, т.е. *нулевому варианту*. Именно это было в *подтексте* предложений, неофициально изложенных Нитце Квицинскому во время так называемой *прогулки в лесу* в Сен-Серге летом 1982 г. Надо сказать, что договоренность на основе этих предложений была бы для СССР, наверное, еще более *неприятной*, чем *нулевой вариант*. Трудно представить себе, как наша пропаганда могла бы объяснить соглашение, согласно которому США развертывали бы крылатые ракеты в Европе, а СССР значительную часть своих ракет ликвидировал, причем под американским контролем. В Москве *прогулочный вариант* отвергли, хотя год спустя давали понять, что готовы рассмотреть нечто подобное. Но было уже поздно.

В итоге в декабре 1983 г., несмотря на протесты демонстрантов, началось развертывание американских ракет. Делегация предложила руководству прервать переговоры *для оценки сложившейся ситуации*, но это не касалось других переговоров — по стратегическим наступательным вооружениям, которые параллельно шли в Женеве. В Москве решили иначе. В заявлении, подписанном тяжело больным Андроповым, было сказано, что в этих условиях мы прерываем и те, и другие переговоры. Я видел, что члены делегации были несколько шокированы таким решением. Тупик выглядел не только полным, но и всеобъемлющим. 1984 г. не принес ничего нового, ничего обнадеживающего.

В общем, к моменту смены поколений в советском руководстве в 1985 г. ситуация в мире и в отношениях двух тогдашних сверхдержав была крайне тревожной. Руководители СССР и США не встречались уже шесть лет. Р. Рейган не очень дипломатично объяснял это тем, что его потенциальные собеседники *по очереди умирали*. Но отношения были практически заморожены и на других уровнях. А тем временем гонка вооружений продолжалась и ускорялась, в Европе развертывались новые ракеты, продолжалась конфронтация и в других регионах.

Начало моей работы на высшем уровне совпало с приходом нового советского руководства. В МИДе в общем понимали, что изменения должны затронуть и внешнюю политику, но назначение на пост министра Э. Шеварднадзе стало для всех большой неожиданностью. Понимая необходимость появления нового человека, в подавляющем большинстве мидовцы ожидали назначения из своих рядов, *министра-эксперта*, а не *политического министра*. Лично я думаю, что министром иностранных дел должен быть крупный политик, иначе невозможно обеспечить реальный вес министерства в принятии решений. Опыт многих стран показывает, что

именно это важнее всего, а *экспертизу* вполне могут обеспечить дипломаты, роль которых при таком подходе даже возрастает.

Новый министр начал со встреч с руководителями отделов и других подразделений министерства, побуждая их к откровенным оценкам и предложениям. Как мне потом рассказывали, они высказывали самые разные идеи и предложения, в том числе в духе *зажать и не пущать, усилить и дать отпор*. Но большинство понимало, что ни сил, ни желания вести такую политику у руководства нет. Нужно было избавлять страну от гонки вооружений и все более дорогостоящих *обязательств* чуть ли не на всех континентах. Как конкретно это делать — большой вопрос. Многие в МИДе традиционно считали ключом ко всему отношения с США. Ждали первой встречи с госсекретарем Дж. Шульцем, которая должна была состояться в Хельсинки на конференции, посвященной 10-летию подписания Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

С этой встречей связано важное событие в истории переводческой профессии: впервые на двусторонних советско-американских переговорах на этом уровне был применен синхронный перевод. Предложили это американцы, МИД согласился не сразу (рассказывали, что против был Г. Корниенко, который в течение еще почти года оставался на посту первого заместителя министра), но Шеварднадзе решил, что надо попробовать. С тех пор синхрон закрепился как вполне *законный* вид перевода на переговорах не только министров, но и глав государств. Разумеется, не всегда для этого есть подходящие условия и технические возможности. Поэтому по-прежнему используется и традиционный последовательный перевод, особенно в беседах один на один. Зато переговоры в составе делегаций действительно удобно проводить с синхронным переводом.

Вот так я попал в Хельсинки. Накануне встречи мы посмотрели и протестировали предоставленное американцами оборудование, оно оказалось не очень *высоко-технологичным*, но вполне подходящим.

Внимание дипломатов было, конечно, приковано к Шеварднадзе, для которого Хельсинки стал первым выходом на международную арену. Было видно, что он волнуется. Когда я смотрел из зала, как он идет к трибуне, я даже удивился: он шел медленно и очень скованно. Свою речь он начал не очень уверенно, иногда запинаясь и делая паузы. *Разогрелся* только к середине выступления.

Зато на встрече с Шульцем он уже выглядел иначе. Видимо, преодолев напряжение, почувствовал, что готов к разговору, который был вполне конструктивным по тональности. Министры сопоставили позиции по всей повестке дня, и хотя особенно нового в этих позициях я тогда не заметил, главное было в другом. В отдельной беседе они договорились сделать все от них зависящее, чтобы вывести отношения из тупика, преодолеть рутину, способствовать созданию благоприятной атмосферы. Надо сказать, это обещание они выполнили, многое сделав для того, чтобы движение в правильном направлении не было сорвано из-за неизбежных *ухабов* внешне- и внутривнутриполитического характера.

Важным этапом в подготовке женевского саммита была встреча Шеварднадзе с Р. Рейганом в Белом доме в сентябре 1985 г. К этому времени министр уже вполне освоился с *материалом* и не так волновался, как в самом начале. Выступая на Генеральной Ассамблее ООН, он держался очень уверенно, и в тексте выступления содержались некоторые новые нюансы. К встрече с президентом США Шеварднад-

зе готовился очень тщательно, делая выписки из подготовленных для него *разговорников*, иногда просиживая за полночь в поисках собственных формулировок. И в самолете по пути в Нью-Йорк продолжал в своем салоне обсуждение предстоящей встречи с ближайшим кругом советников.

Перед посадкой стало ясно, что погода в Вашингтоне ужасная. За пару дней до нашего приезда бушевал ураган *Глория*, хвост которого мы застали. Шульц даже предлагал не лететь в Вашингтон самолетом, а поехать специальным поездом. Мы вспомнили об этом предложении, когда сильный порыв бокового ветра накренил самолет влево буквально над посадочной полосой. Проливной дождь и сильный ветер продолжались почти всю ночь, но наутро, как в каком-нибудь романе, небо прояснилось, и когда мы ехали на встречу в Белый дом, солнце сияло всюду. Думаю, многие увидели в этом хорошее предзнаменование.

Рейган тогда еще был для нас загадкой. Все помнили его высказывания об *империи зла*, и хотя Шульц, Миттеран и другие собеседники говорили о его способности к компромиссам, верилось в это с трудом. Поэтому так важно было посмотреть, какую атмосферу на встрече создаст хозяин Белого дома. Не знаю, что сказал Шеварднадзе в узком кругу после встречи (тогда еще он не приглашал меня на эти обсуждения), но мне показалось, что Рейган стремился расположить к себе собеседника, послать Горбачеву позитивный сигнал.

Встречи на высшем уровне всегда требуют тщательной подготовки. Недавно бывший посол США в СССР Дж. Мэтлок, который координировал подготовку к саммиту президента США и *настраивал* его на встречу с Горбачевым, дал интересное интервью, где довольно подробно рассказал о том, как шла к саммиту американская сторона. Из этого интервью ясно, что не всем в Администрации США нравилась сама идея саммита и главное — любые шаги, способные изменить отношения к лучшему. И у нас были противники конструктивного диалога с США, равно как и те, кто, понимая его необходимость, считали, что *с этой Администрацией ничего не получится*. Такая позиция — рецепт инерции и рутины, что очень опасно в любых переговорах и вообще в межгосударственных отношениях. Поэтому так важно было не просто встретиться, но и обозначить новый этап в отношениях. Лучше всего — закрепить в политическом документе. И здесь начались трудности.

С обеих сторон были желающие устроить *перетягивание каната* по поводу сроков и места проведения встречи. По-разному понимали стороны и ее возможные результаты. Американцы долго — фактически вплоть до самой встречи — противились принятию какого-либо совместного документа, считая работу над ним потерей времени: дескать, главное — встретиться, познакомиться и дать импульс переговорам. Приходилось по ходу подготовки решать и множество организационных и протокольных вопросов, которые иногда приобретали самодовлеющее значение. Во всем виделось соперничество. Дж. Мэтлок вспоминает, как уже во время саммита американская *пиар-команда* позаботилась о том, чтобы Рейган (в холодный и ветреный день) вышел в костюме и без головного убора встречать Горбачева, вышедшего из автомобиля в пальто и шляпе. Пресса писала по этому поводу, что Рейган выглядел динамичнее. И у нас некоторые обратили на это внимание.

Мне кажется, что акцентирование подобных вещей в СМИ и в разговорах *пикейных жилетов* идет от непонимания сути саммитов. Их задача — определить направление *большой политики*, а не соревноваться в том, какое впечатление произведет тот или

иной руководитель. И надо сказать, что на каждом следующем саммите можно было констатировать, что на первый план все больше выходит содержание, а не форма.

Думаю, в ноябре 1985 г. в Женеве произошли две вещи. Во-первых, несмотря на огромные идеологические и политические различия двух стран, да и личностные различия их лидеров, изменилась атмосфера отношений. Немалую роль в этом сыграло неформальное общение Рейгана и Горбачева, в котором участвовали также их супруги.

Мне довелось в качестве переводчика участвовать в обеде в советском представительстве при ООН, который состоялся в первый день саммита. Тогда мне показалось, что стороны приятно удивили друг друга — настроение и разговор были дружелюбными и неформальными. А когда Горбачев в своем тосте процитировал Библию — «Всему свое время... время рождаться, и время умирать... время разбрасывать камни, и время собирать камни» — это произвело на гостей ожидаемое впечатление. Так что первый контакт состоялся, и это в конце концов оказалось важнее, чем возникшие в последующие годы *шероховатости*, в частности в отношениях *первых леди*, о которых любила порассуждать пресса.

И второе: все-таки удалось принять совместное заявление, причем содержательное. Думаю, Дж. Мэтлок совершенно прав, выделяя в нем тезис о том, что «ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителя». И далее в заявлении говорилось, что стороны не будут стремиться к достижению военного превосходства друг над другом. Кстати, далеко не все в СССР и США были согласны с этими тезисами. Идеи достижения *решающего военно-технического превосходства над потенциальным противником* витали не только в военных кругах. Но последнее слово всегда остается за политическим руководством.

Тезис о недопустимости ядерной войны стал основой не только для активной работы на переговорах по сокращению ядерных вооружений, но и одной из основ личных отношений Рейгана и Горбачева. Неприятие ядерного оружия сближало их. И если сегодня мы можем говорить о том, что в арсеналах двух держав на порядок меньше ядерных носителей и боезарядов, чем на пике холодной войны, то именно благодаря тому, что произошло тогда в Женеве и через год в Рейкьявике.

Делегации работали над текстом совместного заявления буквально круглосуточно, и в конце концов его удалось согласовать к утру последнего дня встречи. По некоторым вопросам Горбачеву приходилось советоваться с Москвой, что, кстати, происходило и на последующих саммитах, на которых я переводил. Это важно вспомнить потому, что сегодня его обвиняют в принятии *волевых*, волюнтаристских решений вопреки мнению других членов руководства. Эти обвинения совершенно голословны, не подкреплены какими-либо документальными доказательствами.

Вообще у меня всегда было впечатление, что и Горбачев, и американские президенты полностью осознавали, что они работают в определенных политических рамках и должны взвешивать различные позиции внутри своих стран. Отчасти поэтому полностью реализовать *дух Женевы* в период президентства Рональда Рейгана все-таки не удалось. В частности, договор о 50-процентном сокращении стратегических наступательных вооружений был подписан лишь в 1991 г. с Дж. Бушем, хотя основные его параметры были согласованы в октябре 1986 г. в Рейкьявике. В своих мемуарах Дж. Шульц возлагает главную ответственность за это на *ястребов* внутри администрации США.

Препятствия на пути строительства новых отношений между СССР и США стали возникать почти сразу же после саммита. Были серьезные разногласия, были недо-разумения и *недопонимания*, были и очевидные провокации. Напомню хотя бы о заходе двух кораблей американских ВМФ в территориальные воды СССР в фев-рале 1986 г. (как потом писал заместитель министра обороны США Р. Армитедж, в этой акции «не было никакой оперативной необходимости»). Но главное — несмот-ря на дух *Женевы* и серьезные сдвиги в советской позиции, содержащиеся в известном заявлении М. С. Горбачева от 15 января 1986 г. (помнится, перевод этого заявления на английский язык мы закончили в 4 часа утра), переговоры в Женеве застопорились и буксовали на протяжении нескольких месяцев. Надо было как-то выбираться из этой раскисшей колеи. Такая возможность открылась в конце лета.

Я был в отпуске и большую часть времени проводил за городом, в Монино. Дозво-ниться туда в те годы было непросто (коммутатор, добавочный...), но мне все-таки дозвонились из секретариата заместителя министра А. Бессмертных. Александр Александрович, извинившись, что прерывает мой отпуск, попросил срочно при-ехать в Москву. За мной прислали машину, и через час я уже переводил письмо Гор-бачева Рейгану. Как вспоминал потом Михаил Сергеевич, причиной письма было его недовольство положением дел на переговорах по ядерному оружию и жела-ние вырваться из рутины, которой было пронизано полученное им письмо Рейгана и подготовленный в МИДе проект ответа. Сам он был в отпуске и вместе с А. Черня-евым, который незадолго до этого стал его помощником по международным делам, написал ответ, главной мыслью которого было предложение встретиться как можно скорее где-нибудь *на полпути* (упоминался Рейкьявик), чтобы преодолеть инерцию и договориться по главным нерешенным вопросам. О деталях должны были дого-вориться Шульц и Шеварднадзе на встрече в Нью-Йорке во время очередной сес-сии Генеральной Ассамблеи ООН.

Однако буквально накануне отъезда министра в Нью-Йорк произошли события, кото-рые произвели эффект разорвавшейся бомбы и вполне могли сорвать предложен-ную Горбачевым встречу. В Нью-Йорке был арестован по подозрению в шпионаже советский сотрудник Секретариата ООН Захаров, причем сделано это было с боль-шой оглаской и с перспективой громкого суда (если бы Захаров был просто выдво-рен из страны, многих проблем можно было избежать). Сразу же после этого был арестован московский корреспондент журнала *U. S. News and World Report* Николас Данилофф, давно работавший в Москве и имевший репутацию *чистого* журналиста.

В аэропорт я ехал вместе с помощником Шеварднадзе Теймуразом Степановым (Мамаладзе) — единственным человеком, которого год назад новоназначенный министр *привез* с собой из Грузии. Теймураз был его главным речеписцем и очень эмоциональным человеком. Своего подавленного настроения и пессимизма он не скрывал. Я попытался кое-как успокоить его, дескать, такие дела обычно рано или поздно решаются. Но Теймураз, я думаю, опасался, что если миссия Шевар-днадзе окончится неудачей, позиции министра будут сильно подорваны. И сам Шеварднадзе начинал свою вторую поездку в Нью-Йорк в плохом настроении.

Шпионский скандал (к сожалению, не последний в отношениях между СССР и США — как правило, они возникали, когда в отношениях появлялось что-то обна-деживающее) был первым, о чем журналисты спросили Шеварднадзе у трапа само-лета. На карту было поставлено очень много, и решение просматривалось с тру-

дом — слишком много было в этом деле, если воспользоваться известной фразой, *гордости и предубеждения*.

Шульц в первой же беседе дал понять, что предложение о встрече на высшем уровне имеет шансы только в том случае, если будет освобожден Данилофф, арест которого он назвал совершенно необоснованным. Стало ясно, что надо найти вариант решения, который хотя бы внешне не уравнивал двух арестованных. Ни одна из сторон не хотела *терять лицо*. Выход из положения пришлось искать дипломатам. Но сначала важно было оценить настроение Рейгана, встреча с которым в Белом доме состоялась несколько дней спустя.

Это была действительно встреча один на один. Кроме Рейгана и министра были только два переводчика — я и мой американский коллега Д. Заречняк. По пути на встречу и на обратном пути в посольство Шеварднадзе молчал. В посольстве он предложил мне пройти вместе с ним в *защищенное помещение*, где его ждали посол Ю. Дубинин, Бессмертных и помощники — Степанов и С. Тарасенко.

Несколько минут все молчали, ожидая, чтобы кто-то сказал первое слово. Наконец, посол спросил:

— Эдуард Амвросиевич, какое впечатление?

— Впечатление не очень хорошее, — после небольшой паузы ответил Шеварднадзе и неожиданно посмотрел на меня. — А вам как кажется?

Я был удивлен. Казалось бы, никакого веса мое мнение иметь не должно. Но если спрашивают, надо отвечать. Поднявшись с места, я сказал:

— По-моему, беседа прошла не так плохо. Рейган, конечно, повторил официальную позицию по шпионскому делу, но выразался не очень резко, а по другим вопросам — конструктивнее, чем можно было ожидать. И не отверг идею встречи с Горбачевым.

Возможно, моя оценка показалась министру несколько приукрашенной, но он не возражал. Полный текст записи беседы был отправлен в Москву. Теперь надо было выстроить стратегию выхода из этой ситуации. И в обеих столицах — по разным, разумеется, причинам — Шеварднадзе надо было продемонстрировать твердость.

Вернувшись в Нью-Йорк, министр продолжал встречи со своими коллегами из разных стран, но — не преувеличиваю — десятки часов ушли на беседы с Шульцем по урегулированию *шпионского кризиса*. На этих беседах присутствовали Бессмертных и заместитель Шульца Розан Риджуэй. Одновременно шли двусторонние обсуждения по вопросам разоружения, региональным проблемам, двусторонним отношениям. Контакт такой интенсивности я не помню. Было ясно, что либо разругаемся всерьез и надолго, либо найдем выход из положения.

В какой-то момент в ходе казавшихся бесконечными обсуждений был упомянут Ю. Орлов, осужденный по политическому обвинению еще в брежневские времена. В то время он находился в административной ссылке (как, кстати, и академик Сахаров). Тогда еще не было известно, что политзаключенные и высланные вскоре будут освобождаться в массовом порядке, и возвращение Орлова из ссылки и его выезд за границу были включены в *пакет*, благодаря которому удалось преодолеть очень серьезный кризис в советско-американских отношениях. Обставлено это было так, что и та, и другая сторона сумели *спасти лицо*, но вплоть до момента освобождения

ния Захарова в зале суда, после очень резкого заявления судьи, всё, как казалось, висело на волоске. Бессмертных ждал у телефона звонка нашего дипломата, находившегося в здании суда, и я видел, что он волнуется (происходило это задолго до появления мобильных телефонов). Данилофф был выпущен в тот же день, а через несколько дней (как бы отдельно от обмена) — Орлов, сразу же выехавший за рубеж.

В те дни мне редко удавалось выспаться. Полная запись каждой беседы должна была как можно скорее уйти в Москву, а сделать такую запись после двух-трехчасовой беседы — это как минимум *столько и еще полстолько*. Но все, кто участвовал в этом марафоне, были в итоге довольны: дорога в Рейкьявик была открыта.

О встрече в Рейкьявике написано много, но мне кажется, что *сюжет* встречи часто теряется в многочисленных деталях, не говоря уже о том, что он искажается домыслами, не имеющими ничего общего с тем, что там произошло. Записи бесед опубликованы как американцами, так и нами (кстати, хотя правила ведения записи у нас и у них разные — от первого лица у нас и *в изложении*, т. е. от третьего лица, у американцев — никаких разночтений в них не обнаружено). Не раз высказывались и участники встречи, и хотя они дают разные интерпретации того, что там произошло (так, в книге бывшего директора Агентства по контролю за вооружениями США К. Адельмана главным героем выступает Рейган, *спасший программу СОИ*), но фактическая сторона дела выглядит у всех одинаково.

После короткой беседы один на один, в ходе которой Горбачев изложил Рейгану основные пункты наших предложений, главы делегаций пригласили в комнату, где шла их беседа, Шульца и Шеварднадзе, которые разговаривали отдельно. Попутно скажу, что, поскольку первоначальная идея Горбачева предполагала неформальную встречу с минимальным количеством советников и экспертов, для встречи выделили небольшой дом у берега моря — Хёфди-хаус — очень симпатичный, но, мягко говоря, тесноватый для всех собравшихся. Разговаривали и в узких коридорах, и на лестницах. Рейгану нужна была помощь Шульца, чтобы выяснить, что нового привез с собой Горбачев. А новое в предложениях, безусловно, было. Горбачев предложил резко упростить схему будущего договора о стратегических вооружениях — всё сократить наполовину, в том числе советские тяжелые МБР (СС-18). Это был серьезный шаг, в ответ на который американцам предлагалось ограничить программу СОИ *лабораторными исследованиями*. РСД предлагалось сократить до 100 боеголовок. Эти позиции были утверждены в Политбюро. В директивах к встрече было два варианта оформления возможной договоренности — либо как взаимоувязанного пакета, либо отдельно по РСД и СНВ/ПРО.

Самым трудным вопросом была, конечно, проблема ПРО. Прежде всего потому, что программа СОИ была для Рейгана *любимым ребенком*. Он был, как мне кажется, вполне искренен, когда говорил, что ее цель — *сделать ядерное оружие бессильным и устаревшим*. Искренен в том смысле, что он действительно считал ядерное оружие аморальным, оружием геноцида, и хотел его уничтожения. У нас его программу воспринимали совершенно иначе. В ней видели попытку получить после существенного сокращения ядерного оружия новую стратегическую конфигурацию, позволяющую нанести первый удар и парировать ответный. Как минимум, это дестабилизировало бы ядерный баланс. Конечно, при тех уровнях СНВ, которые были тогда (да и в два раза меньших), развертывание системы ПРО вряд ли могло сломать баланс, но наши военные говорили, что надо видеть перспективу, потенциальные возможности, и настаивали на жесткой позиции.

У Рейгана были готовые тезисы, которые он отработывал на сто процентов. Большинство его аргументов носили нетехнический характер. Когда Горбачев спрашивал его, зачем нужна ПРО, если ядерное оружие будет, как хочет того сам президент, полностью уничтожено, Рейган отвечал, что это будет своего рода окончательная гарантия против какого-нибудь безумца, своего рода *противогаз (gas mask) на всякий пожарный случай*. Более того, говорил Рейган, мы будем готовы поделиться с вами технологиями ПРО. Горбачев, естественно, реагировал на эту идею очень скептически (даже многие американцы удивлялись, что президент США всерьез предлагает нечто подобное). Разговор все время упирался в проблему ПРО, но, хотя разногласия были глубокими, тон беседы был совершенно неконфронтационным.

После окончания первого дня переговоров советская делегация вернулась на теплоход *Георг Отс*, где во время саммита жили Горбачев и его советники. Горбачев пригласил всех в кают-компанию и попросил меня прочитать по моей записи основные моменты беседы. Время от времени он вставлял свои комментарии. Поскольку в конце беседы лидеры договорились о том, что вечером (фактически ночью) поработают эксперты, он поручил С. Ахромееву возглавить группу с нашей стороны. С американской стороны группу возглавлял П. Нитце.

Экспертам удалось согласовать основные параметры будущего договора по стратегическим наступательным вооружениям. Схема оказалась несколько сложнее, чем то, что предлагал Горбачев, но в целом понятной и не перегруженной техническими деталями. Горбачев предложил договориться о нулевом уровне РСД в Европе. Прогресс был налицо, но снова возникла проблема ПРО. Рейган заявил, что не может согласиться на ограничение программы лабораторными испытаниями даже на срок в 10 лет. Горбачев еще раз спросил, зачем понадобится ПРО, если мы договоримся о полном уничтожении ядерного оружия в течение того же десятилетнего срока.

И тут разговор пошел в направлении, которое удивило многих в американской делегации, а также союзников США, особенно англичан, когда они узнали о содержании этого разговора. Рейган сказал, что он хочет мира без ядерного оружия и готов обсудить ликвидацию «не только стратегических ракет, но и тактических». В документах США и НАТО ликвидация ядерного оружия обставлялась многочисленными условиями, о которых Рейган не упоминал. Интересно, что Шульц даже не пытался его остановить или *подкорректировать*. У меня это вызвало удивление. Было ли это связано с его собственными соображениями или с сомнениями относительно СОИ, или же он хотел посмотреть, насколько далеко его президент готов зайти в этом обсуждении? Трудно сказать. Но я помню, что в конце 80-х гг., когда Шульц уже не занимал своего поста, он встречался с Шеварднадзе в Нью-Йорке и сказал ему следующее: «Когда наши лидеры, каждый по-своему, заговорили о мире без ядерного оружия, эксперты считали, что они неправы, что это недостижимая цель. Но эксперты не поняли, что Рейган и Горбачев почувствовали одну важную вещь: этого хотят люди, это отвечает их чаяниям».

Общеизвестно, что *рейкьявикская лодка* разбилась о СОИ. Но трактовка этого факта — разная. В США распространено мнение, что Горбачев заманил Рейгана в Рейкьявик, чтобы уговорить его отказаться от программы ПРО или выхолостить ее, но Рейган стоял твердо и не поддался. Это очень примитивная интерпретация. Предложение ограничить программу исследованиями и лабораторными испытаниями не могло привести к ее прекращению, тем более что (особенно после саммита) мы давали понять, что готовы трактовать понятие *лаборатория* довольно широко.

Как показывают последующие события, программа СОИ — как проект глобальной противоракетной обороны — замедлилась сама по себе, хотя бы потому что бросать деньги на ветер ни конгресс, ни администрация Дж. Буша не хотели. Но Рейган фактически хотел, чтобы Горбачев дал *зеленый свет* ничем не ограниченным испытаниям и развертыванию ПРО, обещая поделиться технологиями, рисуя перспективы сотрудничества и партнерских отношений во всех областях. Пойти на это Горбачев не мог. Так он и сказал президенту. Тот был очень огорчен, и когда я вышел вместе с двумя лидерами к американскому кортежу, это было заметно по поведению Рейгана и его последним словам.

Американская делегация сразу после этого покинула Рейкьявик. Шульц перед отлетом успел сделать короткое заявление, охарактеризовав встречу как неудачную. А Горбачеву предстояла пресс-конференция. До места ее проведения было пять-десять минут ходьбы, и я шел рядом с Е. Примаковым, который расспрашивал о подробностях завершившихся переговоров. Конечно, всех интересовал один вопрос: что скажет Горбачев? В зале было больше ста журналистов, настроение среди них было подавленное — они уже знали о заявлении Шульца. Видимо, знал о нем и Горбачев.

Как потом вспоминали он и Черняев, директивы Политбюро предусматривали в случае отклонения советских предложений использовать пресс-конференцию для осуждения позиции США как не соответствующей интересам международной безопасности и разоружения. Это было бы проще всего: сказать, что, цепляясь за программу СОИ, президент США отверг возможность масштабного сокращения вооружений. Но Горбачев неожиданно для многих сказал, что то, что произошло на встрече, «не провал, а прорыв». Должен сказать, что, переводя его выступление, я внутренне соглашался с ним. «Мы заглянули за горизонт, — продолжал он, — мы говорили о мире без ядерного оружия. И я, и президент — за то, чтобы избавить мир от этого оружия. Мы по-разному видим путь к этой цели, но оба согласны, что надо начать с сокращения наполовину стратегических наступательных вооружений и ликвидации РСД в Европе. Теперь надо всем обдумать ситуацию. Мы подумаем, как быть дальше. Пусть подумает президент, конгресс. Я уверен, что мы продолжим диалог».

Это не стенографическая запись, но суть сказанного в тот вечер Горбачевым была именно такой. И я уверен, что время подтвердило, что его реакция на произошедшее была оптимальной. Основные параметры договоренностей, достигнутых в Рейкьявике, стали сигналом к прекращению наращивания ядерных вооружений, изменению планов военного строительства. В 1987 и 1991 гг. на основе этих договоренностей были подписаны Договоры по РСМД и СНВ, в соответствии с которыми были ликвидированы сотни носителей ядерного оружия и тысячи боезарядов. Ничего подобного в истории человечества не было.

Сегодня уроки тех лет вновь актуальны. Отношения между Россией и США переживают трудные времена. Можно до бесконечности спорить о том, кто виноват (или кто больше виноват) в нынешнем обострении напряженности. Но лучше этого не делать. Внимание и усилия надо сосредоточить на диалоге, который в течение почти целого года был по существу заморожен. Нельзя позволять, чтобы конфликты, кризисы, личное недопонимание между лидерами задавали тон в отношениях. Тем более нельзя допускать, чтобы в них доминировала пропаганда. Надо восстанавливать взаимное доверие и уважение, как бы трудно это ни было.